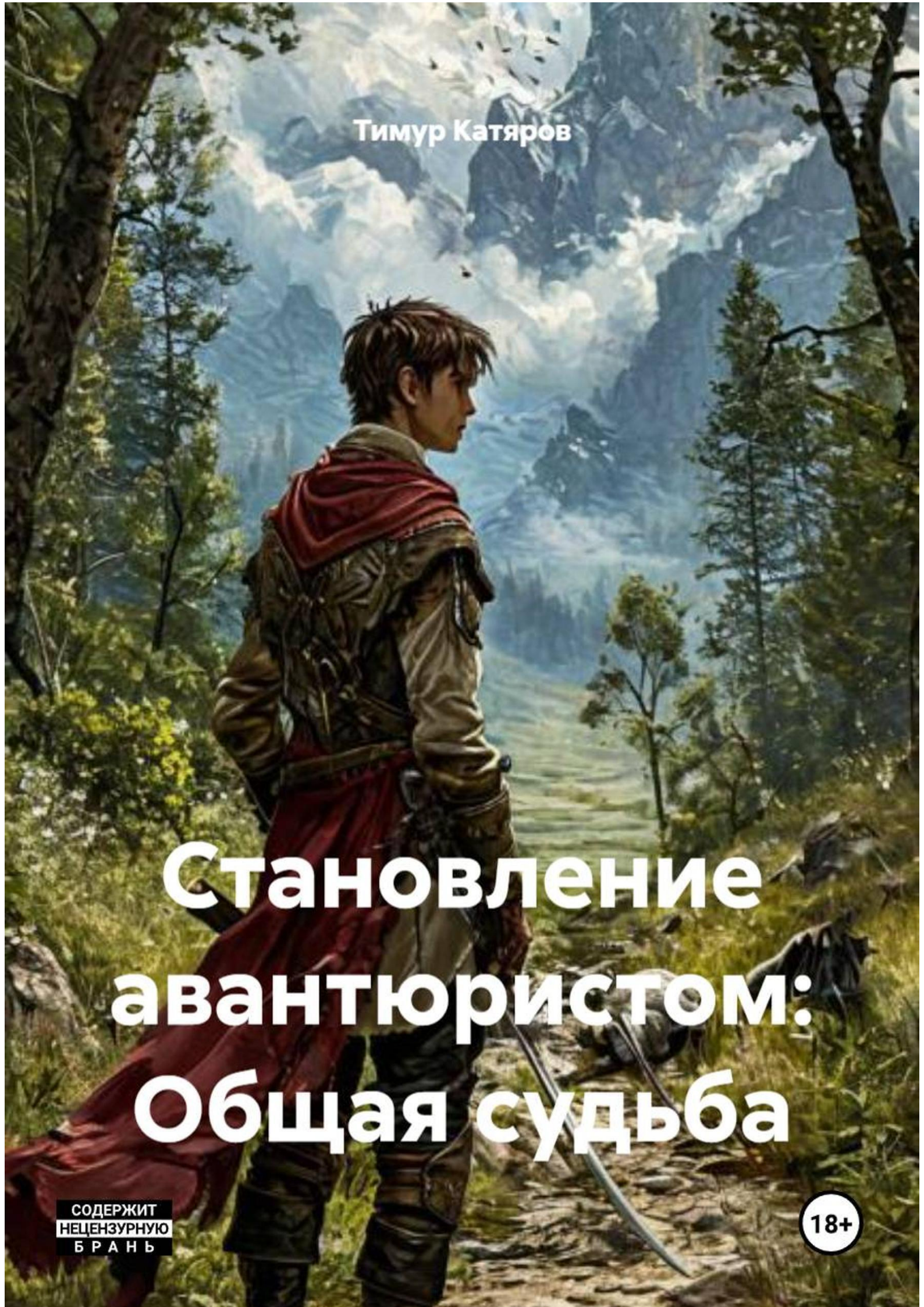

Тимур Катяров

Становление авантюристом: Общая судьба

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Тимур Катяров

**Становление авантюристом:
Общая судьба**

«Автор»

2025

Катяров Т.

Становление авантюристом: Общая судьба / Т. Катяров —
«Автор», 2025

Одиночество — его единственный спутник. Долг — его последняя память. После смерти названного отца молодой авантюрист Эрвин остаётся один на пустынной дороге с парой монет, старым мечом и грузом чужих ожиданий. Его путь — бегство от прошлого, в котором не было места молитвам и тишине. Но судьба, как всегда, смеётся над планами. В кромешной тьме лесной чащи он спасает девочку в разодранном платье, которая называет себя дочерью знатного дома. За ней охотятся не только волки, но и люди. Её обещание богатой награды пахнет ложью, а её история — большими неприятностями. Теперь Эрвину предстоит сделать выбор: бросить ребёнка на произвол судьбы и сохранить свою хрупкую свободу или, вопреки всем правилам выживания, ввязаться в опасную игру, где ставка — чужая жизнь, а плата за ошибку — его собственная.

© Катяров Т., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Тимур Катяров

Становление авантюристом: Общая судьба

Глава 1

Глава 1. Грязный дождь.

Осенний ливень размывал твердую почву, и Эрвину было легко копать. Он выбрал место для могилы на лысом холме, откуда хорошо виден главный тракт. Старик всегда любил такие виды. «Глянь-ка, сынок, какая дорожка нас ждет, – бубнил он, попивая из фляги. – Интересно, что приготовила для нас судьба?»

Впереди его ждала лишь гниющая рана от укуса, заражение и смерть в бреду. В конце концов, старик упал с седла и больше не поднялся. Всего лишь несколько дней назад он смеялся, предвкушая фестиваль в Стоунхилле, и травил байки о старых товарищах. Эрвин взгрустнул, вспоминая каждую историю отца.

Вырыв достаточно глубокую яму, он поднял старого авантюриста на руки и уложил в сырую землю. Мертвец был длинным, но тощим и даже сухим. Потертый кожан и потемневшая кольчуга скрывали его истощенное на протяжении недели тело. Эрвин же был ниже, худобой напоминая приемного отца, правда, выглядел поджарым и подтянутым мужчиной лет двадцати. Старик часто шутил, что он просто дамский угодник, и даже королева может на него запасть. Парень никогда в это не верил.

Эрвин долго стоял над могилой, сжимая в руке серебряный жетон отца – знак всех авантюристов. Среди вырезанного узора и номера выпуска там было имя: Кай Лендер. Ливень усилился, первые молнии прогрехотали в сером небе. Тяжелый, насыщенный воздух охлаждал легкие и прочищал нос. Приложив жетон ко лбу, Эрвин попытался вспомнить хоть одну молитву светлему богу, но не смог. «Мы авантюристы, и наша богиня – это удача!» Кай обучил его, как развести огонь в сыром лесу с помощью щепотки серного порошка и простого заклинания. Как отличить след лесного духа от волчьего. Как влить в меч энергию, чтобы тот засиял. Он обучил его всему... но не как отпевать мертвых.

– Я заберу твоё снаряжение, уверен, ты поступил бы так же, – сказал Эрвин, нахмурившись от собственных слов. – Тебя всегда манила опасность, а сгубила мелкая рана. Мне будет тебя не хватать, – он замолчал, не зная, как правильно проститься. – Ты вытащил меня из бойцовой ямы, в которой я должен был сдохнуть, словно пес, – выпалил юноша. – Ты показал мне мир и его радости. Всегда был добр, хоть иногда и пьян. Может, ты и верил лишь в удачу, но надеюсь, боги не оставят тебя. – И вот первая горсть земли полетела в яму, падая на бледное лицо старика. Он жил достойно, думал Эрвин. У него не было врагов, лишь друзья. Такое дано не каждому.

Уже вечерело, когда авантюрист спустился с лысого холма. Он увидел любимого пса, гордо сидевшего под дождем.

– Грим, упрямый чертяка, – сказал молодой авантюрист, глядя черную собаку. – Ты так и не захотел проститься с ним.

Пес лишь недовольно гавкнул. Закрепив сумки со снаряжением и едой на старой кобыле Путеводной, Эрвин забрался на высокого вороного коня своего отца по кличке Говен.

Авантюрист ударил шпорами и отправился дальше по длинному тракту.

...

Тьма наступила быстро. Солнце скрылось за горизонтом, давая место россыпи звезд. Послышались угуканья сов и редкое карканье воронов.

Эрвин свернул коней с тракта под сень дубов, подальше от чужих глаз. Слишком много разбойников и воров обитает на главной дороге.

Костер удался с третьей попытки в сыроватом воздухе. Магией пользоваться не пришлось. Теперь огонь пожирал хворост, отбрасывая на стволы пляшущие тени. Верный Грим, свернувшись калачиком, посапывал, дергая во сне лапами. Лошади, наевшись овса, фыркали и переминались у мощного вяза, чьи кроны могли защитить от дождя.

«Я мог бы продать все снаряжение и устроиться стражником в городе, – думал Эрвин, бросая ветки в огонь, – или уехать куда подальше и завязать с этой глупой жизнью авантюриста. Как ты и советовал, старик... в свои трезвые минуты». Он поймал себя на том, что мысль о тихой жизни вызывает не облегчение, а сущую тоску. Ту самую, от которой Кай всегда спасал новой дорогой. «Неужели я просто... боюсь остаться один без его баек и дурацких идей?»

Ответа не было. Лишь черный мешок со стариковым добром, от которого пахло сталью, сыростью и грубым мылом. В кошельке позвякивали потертые четыре золотых, двадцать серебряных и горсть медяков. Хватит на безбедную жизнь по крайней мере с год. На бедре тяжело и непривычно лежала рукоять отцовского меча. Он висел как влитой, но немного длинноват. Собственный привычный клинок немного терялся на его фоне.

Из-под шнуровки рубахи он вытащил неказистую фигурку, изображающую его самого. Внизу красовалась надпись: «Любимый сын». Серебряный жетон блестел в свете костра, обвиняя деревяшку. У самого Эрвина был точно такой же, но медный – до серебра он еще не дорос.

Тяжелые мысли облепили его разум, пока хворост потрескивал и искрился.

«Что же мне теперь делать...» – разрывался в мыслях авантюрист.

Из тьмы, откуда-то справа, донесся звук – короткий, обрубленный, не то вопль, не то резкий кашель. Грим лениво поднял тяжелую медвежью морду, наострив уши в ту сторону.

– Кого это Хаэль к нам пригнал?

Собака не ответила, лишь пристально наблюдая за кустами. Кони проснулись и забеспокоились: Путеводная тихо забила копытами, а Говен рванул головой, натянув веревку.

Эрвин тяжело поднялся, как послышался второй крик, более отчаянный и визжащий, напоминающий девичий. Он замер. Первой мыслью было – не лезть. Ночь, глухой лес, разбойники, да и своих проблем выше крыши. Эрвин даже сделал шаг назад к костру. Но Грим взвыл и ринулся в темноту. Собственная трусость обожгла юношу стыдом. Отец бы уже бежал на крик.

Он двинулся в кусты, где сгинул пес. Ветки хлестали по лицу, цеплялись за плащ, корни норовили подставить подножку. Эрвин бежал на звук. Свет луны едва пробивался сквозь высокие кроны. Через поваленный ствол он перекатился, не замедляясь, и взбежал на склон холма.

Показалась широкая лесная просека. Там, в длинной траве, виднелись силуэты. Девочка бежала, падая и поднимаясь. Ее ободранное белое платье стесняло движения, а руки покрылись кровью. Вокруг нее плавно двигались тени – низкие, приземистые. Серые шкуры выглядывали из травы. Слышалось глухое рычание и дикий визг.

Авантюрист замер на краю поляны. Рука потянулась к мечу, но в голове спутались мысли. Ловушка? Приманка? Однако храбрый пес уже ринулся вперед, нырнув в высокую траву. Больше Эрвин не думал. Он побежал на крик с мечом в руке. Пламя факела затрепетало в ночи. Девичий крик сливался с рычанием диких зверей.

– П-помогите, к-кто-нибудь! – молила девчонка.

Эрвин ускорился. Впереди мелькали серые спины, клочья ткани и сверканье зубов. Один волк, крупный, с проседью на морде, уже зажал в пасти кисть девочки, потряхивая мордой.

Меч скользнул к рядом стоящей твари, но пес оказался шустрее. Грим вынырнул из травы, врезавшись в противника. Черный и серый слились в клубок, с хриплым визгом, ревом

и мерзким хрустом. Волк дернулся, забился, потом обмяк в челюстях Грима. Волкодав действовал наверняка.

– Молодец... – выдохнул Эрвин, чувствуя, как адреналин волной растекается по животу.

Один труп, из которого еще пульсируя сочилась жизнь, заставил стаю замереть. Но не убежать. Эрвин, не сводя с них глаз, боком подобрался к девочке и оттолкнул ее за спину.

– Спасибо, я... я... – захлебывалась она сзади.

– Тихо, ещё не все.

Он знал: стая, уловившая запах крови, так просто не отступит. В ночи, словно свечи, загорелись глаза, жаждущие плоти. Клыкастые пасти оскалились. Слышалось шуршание лап. Окружают.

Грим зарычал, присел на задние лапы, готовый ринуться в бой.

«Четыре... пять... шесть. Много, даже слишком, – лихорадочно размышлял юноша. – И понес же черт на ночь глядя спасать девиц! На таком открытом поле можно не церемониться».

Эрвин опустил догорающий факел. Левая рука нащупала длинный отцовский меч. Клинки с характерным свистом покинули ножны. То, чему старик обучал его, – для выживания. Мана побежала по руке, просочилась в эфес и пошла дальше. Жар накалил металл, и грянул свет. Оружие заискрилось. По лезвию пробежали холодные искры, разгоняющие тьму. От мечей потянуло озоном и старым камнем.

Зловонные пасти оскалились, готовые броситься, но в последний момент испугались жажды крови авантюриста и плящего света. Волки, поджав хвосты, бросились вглубь чащи, растворяясь в темноте леса.

– Как? – недоумевала девочка.

– Все звери боятся света, – Эрвин повернулся. – Ты в порядке?

Рука в грубой, пропотевшей кожаной перчатке сама потянулась к ней. Грим, сидящий рядом, почесался, а потом приветливо гавкнул.

Засвистел ветер. Спрятавшаяся луна наконец-то вышла из тени, заливая просеку белым светом. Заскрипели сверчки, защелбали птицы, и до этого темное и мрачное поле стало красивым и чарующим.

Девочка схватила протянутую ладонь.

...

Костер разжигать пришлось заново, и щепка никак не хотела загораться от сырости. Но стоило добавить щепотку серного порошка, как все сразу вспыхнуло. Путеводная, старая и видавшая виды, лишь фыркнула и опустила голову. А вот Говен долго не мог успокоиться. Казалось, беспокойный конь готов разгрызть веревку, но быстро пришел в себя, стоило погладить труса.

Грим свернулся калачиком возле огня. Девочка прижалась к нему спиной, как к живой печке, и не отходила ни на шаг. Дрожь пробивалась сквозь ее зубы, а из разорванного рукава сочилась струйка крови.

Эрвин развернул рюкзак, валяющийся возле лошадей. Поковырялся в подсумке, вытаскивая всякий хлам: обрывки веревки, огниво, старый смятый плащ отца. Наконец пальцы нащупали толстый тугой узел.

– Дай взглянуть на рану, посмотрим, что можно сделать, – буркнул авантюрист, шурша в мешочке.

Наконец он вытащил то, что искал, и нос защекотал кисловатый запах. Эрвин взял деревянную тарелку с ножом и стал молотить рукояткой лекарственные травы. Из небольшой сумки на бедре он вытащил длинную колбу с красной жидкостью. Зелье переливалось в свете пламени. Капнув пару капель в миску, авантюрист протянул остальное девочке.

– Выпей немного, а остатки вылей на рану.

Девочка неуверенно взяла колбу. Рана на руке была рваной и синеватой. Клыки глубоко вошли в плоть, наверняка достав до кости.

– Как звать? – Эрвин долго вглядывался в серые глаза незнакомки, пока та обливала рану эликсиром. Девочке было лет двенадцать – тринадцать на вид, бледная и тощая, с ногами, обмазанными глиной. Золотистые волосы побурели в грязи и крови. Однако дорогое платье продолжало бросаться в глаза. – Что делает аристократка в такой глуши? – Эрвин подошел ближе. Взял горсть теплой, пахучей кашицы и приложил к ране. Девчонка вскрикнула, но быстро закрыла рот. Шрам точно останется.

Ее взгляд метнулся к мечам на поясе авантюриста, к грубым рукам в порезах и ссадинах и, наконец, к лицу. Девочка быстро отвела глаза, прижимаясь к Гриму.

– Ничего. Заблудилась, – прошептала незнакомка.

От ее слов спина авантюриста взмокла. Как бы сказал отец: «Пахнет приключениями». История эта явно воняла не только волками, но и большими деньгами либо огромными проблемами.

– Как хочешь, – проворчал он, отрывая ладонь и перевязывая рану более-менее чистой тряпкой.

Девочка поднялась. Даже сквозь боль она оттолкнулась от Грима. Задрав подбородок, она выпрямилась, тыча пальцем прямо на своего спасителя.

– Я-я дочь дома Висканти в Альтарее! Элизабет Висканти! – выпалила девочка. Реплика была заучена до дыр. – Мой отец – лорд Арвен Висканти. Ты обязан проводить меня до наших владений. Ты будешь щедро вознагражден, – она произнесла это как приказ, но маленький пальчик, все еще нацеленный на авантюриста, мелко дрожал.

Эрвин равнодушно глядел на нее. Он видел десятки таких «аристократок» – в городах, на ярмарках или турнирах. Окруженные свитой, они и глазом не повели бы на него. А теперь эта судьба в оборванном платье умоляла его, пахнущего конским потом, дымом и сталью. Горькая ирония.

«Висканти... – имя отозвалось в памяти гулом тавернных сплетен. – Молодой род, что заработал себе имя, помогая отбить нашествие нечести двадцать лет назад. Они благородны и честны. Хотя, уверен, грехов за их душой хватает, как и у всех».

– У тебя рука дрожит, ты в курсе? – он хмыкнул, доставая из рюкзака затвердевший кусок солонины. Грим тут же учуял лакомство и подполз ближе. – Я тебя уже спас. Большого от мира, маленькая леди, не жди. Да и от этой «щедрой награды», – он оглядел ее потрепанный вид. – Пока пахнет не золотом, а кучей проблем.

– Но... но ты же авантюрист, да?! – голос ее сорвался, в нем послышалось не упрек, а детское, непонятливое отчаяние. – Вы же... все делаете за деньги. Я дам тебе денег. Много!

– Вот именно, авантюрист, а не нянька, – он швырнул мясо псу. – До ближайшего трактира день пути. Довезу тебя до порога. Найдешь себе какого-нибудь благочестивого купца или стражника – пусть везут тебя домой.

С лица девочки будто стерли последние краски. Оно стало серым, как пепел, лишь огромные глаза потемнели от безнадежности. Эрвин упрямо глядел мимо нее, в темноту, жуя мерзкий, безвкусный паек.

– А куда едешь ты? – ее шепот был едва слышен.

– В Стоунхилл. По делам.

– Там же фестиваль... – глаза Элизабет загорелись, а кулачки сжались. – Мой отец будет там на фестивале! Нам по пути.

Эрвин поперхнулся, схватился за бурдюк и отпил большими, жадными глотками. «Вот черт».

– Это ничего не меняет, – выдохнул он, голос еще хрипел. – Я тебе не караван сопровождения. У меня свои дела в городе, которые не терпят... попутчиков.

– Я не буду мешать, – девочка снова съежилась, обхватив руками дрожащие коленки. Сердце авантюриста почти дрогнуло. – Я буду тихой. Могу помогать с лошадьми или... – она безнадежно оглянулась, ища аргументы, но наткнулась лишь на задумчивый взгляд Грима.

– Решение окончательно, – перебил авантюрист, вставая. «Достаточно одного трупа на моей совести за эту неделю. Девочка-аристократка, бегущая по ночному лесу? Это не приключение, а просто политика. Пусть ее проблемы решает кто-то повыше рангом, с гербом на щите». – Только до трактира. Спи. Завтра рано вставать.

Он отвернулся, делая вид, что поправляет сбрую на Говене, но в спине стоял холод. «Слишком много проблем», – мысленно повторял себе Эрвин.

...

Дорога тянулась, как дурной сон. Холмы по сторонам были не зелеными, а серо-бурыми, покрытыми пожухлой октябрьской травой. Стылый ветер пробирал до костей, разнося запах сырой земли. Впереди клубились ночные тучи, багровые по краям.

Ход у Говена был мягче, чем у старой кобылы, но Эрвин все равно порядком устал, что уж говорить о маленькой девочке. Авантюрист держал вожжи Путеводной, хотя в этом и не было нужды. Верная лошадка все равно бы следовала за ним.

Мирная тишина убаюкивала. Лишь раскаты грома, бьющие впереди, иногда заставляли Элизабет вздрогнуть.

– Так и будешь молчать? Бросишь меня в незнакомом месте и уйдешь? – крикнула девочка, чуть не свалившись с коня.

– Не беспокойся. Уверен, любой захочет доставить дочь знатного аристократа домой, учитывая нехилую награду в конце.

– Но не ты?

– Но не я.

Снова повисла пауза. Нарушало ее только тяжелое дыхание Грима, который плелся рядом. Пес стареет. Задышался. Как и старик когда-то.

– Так что ты делала ночью в лесу? – авантюрист ждал долго, пока копыта отбивали такт по грязи. В ответ – лишь шуршание плаща и тихие всхлипы. – Эй, язык проглотила?

– Какая теперь разница... все равно бросишь.

Прошептанные слова больно ударили по Эрвину. Он крепче сжал вожжи Говена. Спуск закончился, и они стали медленно ползти вверх по холму. Звуки надвигающегося дождя становились все ближе. Ветер завывал. В такую погоду был радостным только глупый Грим.

– Не злись, девчонка. Авантюристы не любят иметь дело с аристократией, – «Во всяком случае так говорил отец», – подумал Эрвин. – Будешь все равно молчать?

– Не скажу.

Элизабет надула щеки, и былая подавленная физиономия слетела. Эрвин сухо усмехнулся.

– Знаешь, я же могу тебе и по уху дать, маленькая леди.

– Хах. Ты не посмеешь.

Эрвин осадил Говена и подтянул Путеводную ближе. Элизабет до последнего не верила в намерения авантюриста, и была права. «Не могу я бить детей», – думал Эрвин, когда ухватился за пухлую щечку нахалки.

– Р-разве м-можно поднимать руку на леди!

– Оглянись вокруг, – прошептал авантюрист, раскинув руки. – Сейчас ты не дворянка, а ходячее золото для каждого ублюдка на дороге. Соberись.

Ее щека налилась краской, а плечи девочки начали дрожать. Под глазами собирались слезы. Глупый авантюрист отпрянул. Пальцы разжались сами.

Больше не было слов. Говен наконец забрался наверх холма, и просторное поле раскинулось на многие километры. Возле размокшей, разбитой дороги виднелась высокая таверна.

«То, что надо», – обрадовался авантюрист, поворачиваясь. Сзади пыхла Путеводная. Нагруженная кобыла с трудом осилила подъем. На спине сидела Элизабет, скрывшая глаза за грязной прядью волос.

От подобного зрелища заскрежетало в груди. Упрямый авантюрист хотел извиниться, но капля дождя остановила его.

– Поспешим.

Говен припустился вперед, хлюпая в грязи.

...

Погода испортилась. Элизабет едва удержалась в седле, когда Эрвин погнал Говена и Путеводную.

Дождь моросил. Тучи накрыли небо, скрывая за мраком высокую гостиницу. Отштукатуренные стены съеживались под порывами ветра, но деревянный каркас стоял прочно. Теплый жёлтый свет из окон так и манил забежать туда побыстрее.

Под низкой, протекающей крышей сарая виднелась худая фигура в черном, промокшем плаще. Мальчишка, лет пятнадцати, швырял сено в стойло, откуда доносилось нетерпеливое ржание.

– Ты местный конюх? – прокричал Эрвин.

Мальчишка вздрогнул. Голубые глаза любопытно сверкали из под плаща.

– Да, господин. Отец велел... – прокричал конюх, держа кончик капюшона.

– Отлично, протри лошадей и накорми овсом как следует. Привяжи пса, пусть обсохнет под крышей.

– Но господин, собака это...

Авантюрист ловко кинул две медные монеты. Тот еле поймал тусклые монеты.

– Первая за лошадей, вторая за пса. Дай ему косточку пожирнее. Сделаешь все хорошо, получишь третью, – Эрвин не стал дожидаться ответа, лишь быстро слез с коня и спустил Элизабет на землю. Та успела продрогнуть, завернутая в старый плащ Кая.

Оба ввалились в таверну. Харчевня на удивление пустовала в такой-то час. Лишь пара зевак и странная троица в дальнем углу. Один из них, в полулатной броне, украшенной геральдикой в виде красного кулака на белом, вальяжно качался на стуле, едва не падая. Шлем, обмоченный элем, валялся на столе. Двое других сидели угрюмее тучи за окном, явно обделенные выпивкой.

«Что делает рыцарь в этом богом забытом месте?», – размышлял авантюрист. Хотя до города и несколько дней пути, все равно зрелище было странным.

Стоило Элизабет войти, как взгляд незнакомца в броне на мгновение скользнул по телу девочки далеко не добрым взглядом.

Из кухни вышел усатый мужчина с неряшливой бородой и сказал:

– Добрый вечер. Садитесь куда хотите. Еды или эля?

– Еды на двоих. Эля мне и воды для девочки, – Эрвин сел у окна, опасаясь странной троицы.

– Сегодня сын настрелял кроликов, и осталась запеченная курица. Утром еще кудхтала. Что будете? Для девочки могу предложить кусочек яблочного пирога.

– Мне кролика, а ей...? – Элизабет не отвечала, понутив плечи. Авантюрист постучал пальцем по деревянному столу, но так и не дождался ответа. – Тогда ей всего понемногу.

– Что же, надеюсь, малышка справится со всем, – сухо рассмеялся таверщик, наливая в кружки напитки и ставя их на стол. – Как там мой пацан, справляется или опять балду пинает? И что насчет ночлега?

– Трудится. Под дождем коней разгружает, а комнату одну на ночь, – Эрвин решил проявить немного сочувствия и снять комнату девочке. Он бы и сам поспал под крышей в теп-

лой кровати, но хотел избавиться от «неприятности» в платье побыстрее. – Народу маловато. Неужели из-за фестиваля?

– Ну да. Вся округа помчалась в город. Сын бы тоже туда ринулся, если бы я позволил. Эх, молодежи только дай поглазеть на рыцарей, магию и танцующих девиц. Хотя в этом году даже для авантюристов тоже хотят что-то провести. В таверне остаются только местные и... прочие личности, – таверщик покосился на троицу. Те делали вид, что не смотрят, но Эрвин чувствовал их взгляды на затылке. – А вы, господин, тоже на фестиваль путь держите?

Эрвин откинулся на кресле и пригубил эль. Тот был пенистым и густым, с тонким запахом фруктов. Без отца он мог пить без привычных упреков.

– Да, есть парочка дел.

– Вот оно как, – трактирщик кивнул, будто что-то поняв.

Как давно он не ел домашней еды. Кролик был невероятным: его зажарили с яблоками и луком. Вкус дичи жирно растекался во рту. Кроме мяса, хозяин принес наваристый бульон и свежий хлеб прямо из печи. Элизабет получила солидную часть душистого пирога, но улыбка так и не сверкнула на губах девочки.

– Ешь, пока горячее, – сказал Эрвин, отрезая себе кусок крольчатины пожирнее. – Или так понравилась солонина?

Она лишь ковырялась в тарелке, не притронувшись к пирогу.

В углу зашевелились. Рыцарь в броне швырнул на стол несколько монет и нахлобучил шлем, заляпанный элем. Его спутники, словно на пружинах, вскочили и потянулись за плащами.

В момент, когда рыцарь поворачивался к двери, его взгляд – тяжелый, протрезвевший – на миг зацепился за Элизабет. Или это только показалось? Дверь захлопнулась, поглотив троицу вместе с ревом бури.

«Странные», – качался на стуле Эрвин, запивая элем.

– Слушай, – его голос стал тверже. – Я не хочу тянуть из тебя слова клещами, но скажи: в лесу... тебя преследовали волки? Или люди?

Девочка вздрогнула, вцепившись в потрепанный плащ. Кусок пирога, который она едва успела попробовать, застрял в горле. Но девочка кивнула с ужасом и облегчением.

Люди.

В голове Эрвина послышался голос отца, хриплый от дыма костра: «Дорога всегда зовет, Эрвин. Но удача слишком переменчива, а авантюрист, не взвесивший риск, всего лишь труп, который еще шевелится...»

– Ладно, – Эрвин выдохнул. Он сунул руку в кошель, выудил две серебряные монеты и положил перед девочкой. – Бери.

Она смотрела на деньги с немым вопросом.

– Утром спустись первой, поговори с хозяином, – Эрвин кивнул в сторону стойки, где усатый трактирщик пересчитывал медяки. – Скажи ему правду и пообещай, что отец вознаградит его. У таких, как он, на все есть знакомые. Он найдет тебе охрану. Иногда слово трактирщика дороже клятвы рыцаря.

Он видел, как надежда медленно вспыхнула в глазах девочки.

– Меня... меня похитили, но я сбежала, когда они пили у ручья. Бежала, пока не наткнулась на волков.

Эрвин молча доел свой ужин. Кролик будто протух во рту, а эль скис. От одного запаха еды начинало воротить. План был прост: оставить деньги, дать совет, умыться руки и уйти.

Он встал. Стул неприятно скрипнул, а каждый шаг до выхода был тяжелым. За окном разбушевалась гроза. Блики молнии то и дело освещали темень улицы, а последующий грохот содрогал нутро.

Эрвин не мог решиться. Пальцы сжали косяк двери. Дерево неприятно вонзилось в кожу. Медленно развернувшись, он громко сказал трактирщику, перекрывая шум дождя:

– Поменяйте. Мне нужны две комнаты. Смежные, – авантюрист подошел к девочке. Вальяжно положив руку на бедро и продолжил: – Гроза больно сильная. Разойдемся завтра, когда найдем тебе сопровождение.

Элизабет впервые посмотрела на него с надеждой, и этот взгляд ему не понравился.

Глава 2

Глава 2. Стоунхилл.

Бушующий ливень предательски утих, стоило прилечь в теплую кровать. Тюфяк, набитый соломой, мягко шуршал при малейшем движении. Аромат лаванды из подушки смешивался с сыростью штукатурки и запахом старого дерева.

Эрвин закрыл глаза. Мерные капли, отбивавшие такт по карнизу, должны были убаюкивать. Но сон не шел. События продолжали крутиться в голове.

Он ворочался, грубая простыня натирала бок. В висках стучало – смутное, назойливое предчувствие, не дававшее покоя. На лбу выступил холодный, липкий пот.

В конце концов он сбросил одеяло и сел на край кровати. Мягкий лунный свет вползал в комнату сквозь щели в ставнях, ложась бледными полосами на пол. В слабом свете угадывались очертания покосившегося стола и тяжелого дубового стула. В дальнем углу возвышался шкаф, дверца которого висела на одной петле.

Эрвин подошел к окну. Прохладный ночной воздух бодрил, успокаивая шальные нервы. В тростнике около таверны лениво летали светлячки. Словно маленькие огоньки, эти чудные существа веками очаровывали уставших путников и заблудших бедолаг. Они являют собой символ. Своим мимолетным свечением эти жучки стали олицетворять весь авантюризм и авантюристов. На всех зданиях гильдии, ратушах, кузницах, что работают с бродягами, подобными Эрвину, везде есть знак светлячка – лучик надежды в любой, даже самой кромешной тьме. И сейчас этот лучик помог авантюристу навсегда определить его судьбу.

Засмотревшись на огоньки, Эрвин краем глаза уловил движение у кромки леса. Там, где поле медленно перетекало в лес, мелькнули смутные тени. В тишине ночи они пробирались через плотные заросли, все дальше во тьму.

Под ложечкой у Эрвина похолодело. То самое чутье, что не раз спасало его и Кая в переулках и на тропях, забило болью в висках. Вереница догадок выстроилась сама собой. Похитители. Та троица из таверны. Страх в глазах девочки-аристократки.

Все это были лишь догадки, но этого хватило. Эрвин рванулся от окна, споткнулся о ножку стула, но смог удержать равновесие. Из темноты, не глядя, на ощупь, он выдернул из-под кровати ножны с мечами и ремешком.

Комната Элизабет была рядом. Тяжелая дубовая дверь казалась теперь не защитой, а гробовой крышкой. «Просто спит. Глубоким сном», – бессмысленно твердил он себе, уже не веря.

Он потянул дубовую ручку, но та не поддавалась. Пришлось постучать.

– Эй, малявка, ты спишь?! – прошипел Эрвин, припав к щели. Тишина.

– К черту! – он отшатнулся и ударил в дверь плечом. Древесина глухо ахнула, но устояла. По спине пробежала новая волна ярости и тревоги. Снова удар. Потом еще. На четвертый раз дверь вылетела из рамы, открыв черный провал комнаты.

Окно стояло нараспашку. Выбитые ставни болтались на одной петле, жалобно постукивая по стене. Разорванный тюфяк свалился с кровати, и сено, словно внутренности, раскинулось по половицам. Холод улицы давно вытеснил тепло таверны. Свежие капли крови, темные и густые, пятали край одеяла и подоконник. На щепке оконной рамы трепетал обрывок платья Элизабет.

Тонкая стена разделяла комнаты. Всего лишь доски, пропитанные смолой. Он не услышал ни крика, ни шума борьбы. Ничего. Похитители использовали артефакт или магию, подавляющую шум. И то, и другое встречается редко. Впрочем, это уже не важно.

«Проморгал», – думал Эрвин, сжав кусочек платья в руке.

Больше он не медлил. Разъяренный тавернщик сразу притих, увидев лицо своего постояльца. Молодой конюх, прибежавший на шум, тут же забился в угол, когда Эрвин прошел мимо.

– Где мои вещи?

Слова, сказанные медленно, казались холоднее металла. Блеснувший хищный взгляд заставил мальчика вздрогнуть.

– В конюшне, сир! – выпалил что есть мочи конюх.

Больше не было слов. Эрвин на ходу накинул потрепанный черный плащ, туго затянул ремни с подсумками – каждый щелчок пряжки отдавался в тишине. Он проверил крепление мечей на поясе, дернул за ножны, убеждаясь в надежности. Ярость остыла, давая место ледяной ясности. Он уже знал, что будет делать.

С крыши конюшни еще сочилась дождевая вода, отсчитывая тяжелые, редкие капли. В стойлах кони переминались с ноги на ногу, фыркая во сне. Эрвин шагнул внутрь, и его тут же встретил влажный запах навоза, сена и лошадиного пота.

Грим поднял голову из-под крытой клетки, где спал. Увидев хозяина, он не вильнул хвостом. Пес медленно встал, весь его вид: настороженные уши, прижатый хвост – говорил яснее слов.

В дальнем, относительно чистом углу, аккуратно, как велел хозяин, были разложены его пожитки: огромные дорожные сумки, свернутые в трубку спальные, котелок, мешки с провиантом – весь нехитрый скарб кочевой жизни. Эрвин прошел мимо, не глядя. Ему было нужно другое.

Маленький, потертый рюкзак из грубой кожи валялся в стороне, будто стыдясь своего содержимого. Эрвин развязал ослабевший узел и заглянул внутрь. Там, завернутый в промасленную тряпицу, лежал старый пояс. Кожа посерела и потрескалась от времени, но семь ножен из черненой кожи сидели на нем прочно. Он вынул его. В тусклом свете, пробивавшемся сквозь щели в кровле, блеснули рукояти метательных кинжалов – отполированный олений рог и темное дерево. Лезвий не было видно, но Эрвин знал: они остры, как бритва. Последний подарок темного прошлого.

– Ты всегда их недолюбливал и просил выбросить, а я так и не смог, отец.

Одним заученным движением Эрвин закинул пояс себе на грудь по диагонали и затянул ремешки.

«Дорога всегда зовет, Эрвин. Но удача слишком переменчива, а авантюрист, не взвесивший риск, всего лишь труп, который еще шевелится...»

– Но иногда, если ставка того стоит, ты обязан пуститься в авантюру, – закончил фразу своего предшественника Эрвин.

Он щелкнул пальцами. Легкий, почти неслышный звук, но Грим рванулся с места, как отпущенная тетива. Эрвин ринулся во тьму. Туда, где растворялись в лесу последние угасшие огоньки и куда вели следы, еще не смытые дождем.

– Здесь, – пробубнил Эрвин.

Дремучий, неприглядный лес выглядел пугающе. Покореженные ветки трещали под напором ветра, непроглядная тьма отталкивала любого, кто рискнул бы заглянуть в нее. Даже воздух казался тяжелым. Но Эрвина это не остановило.

Похитители умны. Ни повозок, ни коней – только лес, поглотивший их без следа. Почти без следа.

– Держи, – Эрвин достал из-за пазухи окровавленный лоскут. – Ищи, Грим.

Пес долго втягивал запах девочки. Секунды тянулись, превращаясь в минуты, казалось, он так и не сможет уловить след. Но вдруг уши Грима встали торчком, лохматая голова дернулась в сторону, и черная бестия побежала в глубину чащобы.

– Так держать, – сказал авантюрист, стараясь не отставать.

Лес, казалось, не желал их пропускать. Еловые лапы хлестали по лицу, цеплялись за плащ. Колючие кусты впивались в голенища сапог. Но ноги Эрвина, годами тренированные на плохих дорогах, находили твердую землю меж корней и камней, не издавая ни звука. Лишь редкие лунные лучи, пробиваясь сквозь частокол ветвей, метали по земле бледные, дрожащие пятна – и те казались враждебными.

Грим летел вперед, не сбавляя ходу. Кусты, в которых шуршал пес, становились все гуще, непроходимей.

И вдруг – просвет. Чаща внезапно расступилась, и за последним рядом стволов открылась серая лента проезжей дороги, уходящая в обе стороны. Эрвин замер рядом с Гримом, опершись рукой о холодную, шершавую кору сосны. Только сейчас он почувствовал, как огнем горят легкие, а сердце колотится где-то в горле, отдаваясь глухими ударами в висках.

Две знакомые, приземистые фигуры вывалились из чащи, волоча между собой некий сверток, спеленатый в грубую черную рогожу. Они кряхтели, спотыкаясь о корни, и их ноша – живая и извивающаяся – колыхалась у них на плечах, оглашая ночь глухими, приглушенными стонами.

– Ну, наконец-то, бестолочи, – раздался хриплый, пропитанный элем голос. – Я уж думал, волки вас обглодали. Или совесть заела?

На обочине, рядом с простой деревянной телегой и парой тощих кляч, стоял их главарь. Полулаты, украшенные гербом в виде красного кулака, сидели на нем криво, нагрудник был заляпан чем-то темным. Он шатался на месте, но в его мутных глазах светилась пьяная, самодовольная жестокость.

– Простите, сир, – заныл один из носильщиков, сбивая с лица пот. – Стерва брыкалась, словно взбешенная олениха.

Рыцарь подошел ближе. Слегка пошатываясь, он приоткрыл тряпье, открывая лицо Элизабет. Девочка замычала, крупные слезы градом падали с невинного личика.

– Вот мы тебя и нашли, сучка, – снова закрыв лицо Элизабет, недорыцарь продолжил. – Гаситель шума при вас? Не разбили, пока в комнату залезали, а то господин Конрад с нас шкуры спустит.

– Нет, нет, сир, цел, – один из подчиненных достал незатейливый металлический кубик с бледно-синим кристаллом в центре. – Если бы не это, тот жуткий авантюрист наверняка бы прибежал.

– Ладно. В клетку ее, живо! Мы и так задержались, пока бродили по этим чертовым лесам.

Рыцарь, весело насвистывая похабный мотив, наблюдал, как его подручные, кряхтя, поволокли сверток к телеге. И только теперь, в слабом свете поднимавшейся луны, Эрвин разглядел то, что скрывал мрак. На телеге, прибитая к кузову грубыми гвоздями, стояла клетка. Невысокая, квадратная, из толстых прутьев, почерневших и бурых от ржавчины. На ее дне стояла грязная лужица, смешанная с конским навозом. Такие клетки ставят для собак, для больных овец... или для диких зверей, которых везут на травлю. Не для людей.

Один из ублюдков, бормоча проклятия, достал кривой ключ, и проржавевший замок еле поддался. Дверца решетки со скрипом открылась, и они кинули Элизабет внутрь, словно ненужный мешок мусора.

«Старик всегда твердил, что как ни старайся привить благородство щенку из бойцовской ямы, его прошлое рано или поздно вылезет наружу, – пронеслось в сознании. – Что ж, старик... Ты, как всегда, был прав. Резать подобную нечисть у меня получалось куда лучше, чем выполнять гильдейские контракты».

Сцена могла вызвать пламенный гнев, волну негодования или ужас, но в глазах Эрвина был лишь холодный расчет. Авантюрист наконец дождался самого удачного момента для атаки.

Обойти? Незаметно подкрасться? Лес здесь отступал, оставляя голую, залитую лунным светом поляну. Ни тени, ни укрытия. Так что выбора, по сути, и не было. Или, вернее, выбор был сделан много часов назад, у разбитой двери в таверне.

Эрвин сделал глубокий, беззвучный вдох и шагнул из-под сени деревьев на открытую дорогу. Все трое повернули головы и увидели безумца, медленно идущего к ним.

– Твою мать!

– Как, сука?! Как ты нас нашел?! – заорал второй, судорожно хватаясь за дубину.

Но Эрвин не ответил. Он медленно обнажил клинок отца. Холодный металл мягко пере-
ливался, отшлифованный до идеала.

Пьяный рыцарь фыркнул, и на его лице расплылась пьяная, самоуверенная усмешка.

– Ха! Дурак последний. Я, по доброте душевной, оставил тебе твою жалкую жизнь... – Он неуклюже вытащил свой меч и потянулся к щиту, прислоненному к телеге. – А ты, видно, на небеса торопишься. Что ж, я помогу!

Но не успел громила схватить щит, как Эрвин свистнул. Из тени под телегой, словно тьма, Грим бросился на одного из подчинённых рыцаря, вцепился в руку, которой тот держал нека-
зистую дубинку. Послышался хруст костей. Волкодав повалил мерзавца. Послышались крики боли, поднялась пыль.

– Отпусти, тварь!

– Ларс! Ах ты шавка!

Второй уже замахнулся на черного пса, но авантюрист взмахнул несколько раз рукой, и белые блики полетели во второго бандита. Два кинжала вонзились в руку и ногу ублюдка, и тот завопил.

Но Эрвин на этом не остановился, пока третий кинжал не попал выше. В глаз. Человек замер, пошатнулся и рухнул лицом в грязь, дергаясь в немых конвульсиях. Его раненая рука беспомощно скребла землю, пальцы сцепились в судороге, потом разжались и замерли.

Рыцарь же только успел схватить щит и натянуть шлем, моментально протрезвев.

– А ты... умелый, – прокрипел он сквозь забрало.

– Нет ничего умелого в убийстве нескольких зверей.

Дальше был лишь лязг стали, столбы искр и крики боли первого бандита.

Рыцарь был огромен. И силен. Каждый его удар Эрвин не столько парировал, сколько принимал на клинок, чувствуя, как отдача уходит в кости. Чистой мощью противник продавливал защиту, заставляя отступать. И стоило Эрвину на миг сбросить напряжение в плечах, как тяжелый край щита врезался ему в грудь.

Воздух вырвался из легких, мир на мгновение залило белым. Краем глаза авантюрист уловил блик и инстинктивно рванул корпус в сторону. Меч просвистел в сантиметре от виска.

Не успел он выпрямиться – второй удар щитом. Прямо в голову, и мир в глазах Эрвина завертелся. Он едва отскочил к дереву, пытаясь подняться на подкашивающихся ногах.

Высокая закованная фигура нависла с мечом. Лунный свет лизнул зазубренное лезвие, занесенное над головой.

– Хах, а я уже расперевивался.

Но рыцарь не видел ухмылки авантюриста, скрытой за капюшоном, ровно как не видел зажженный мешочек у него в руке.

– Сдохни, – рыцарь вложил в удар всю мощь своих плеч. – Проклинаю свое невезение.

Клинок опустил, но не рассек плоть. Зажженный мешочек прилетел прямо в шлем рыцаря. Огонь вспыхнул, поджигая серый порошок. Гигант пошатнулся и взревел.

– ЧЕРТОВА КРЫСА!

Эрвин приник к земле, чувствуя, как над ним проносятся стальные шквалы. Латный сапог вонзился в грязь в двух пальцах от его головы. Лезвие просвистело так близко, что острие

вырвало клочок волос. Еще миг – и тяжелый щит, мечущийся в слепой ярости, разможжит ему череп.

И сквозь этот грохот, сквозь вой Грима и стук собственного сердца, он услышал хриплый, полный ненависти голос:

– Ты идиот! Ты даже не знаешь, за кого борешься!

Звуки перемешались: шелест листьев, хруст деревьев, крики боли бандита и яростный оскал Грима. А в глазах все чаще мелькала клетка с заточенной в ней девочкой. Клинок прошел в сантиметре от носа Эрвина, загоняя того в угол. Слепящая боль в глазах рыцаря начала отступать.

В следующее мгновение Эрвин рванул застежки плаща, сорвал его с плеч и швырнул черную ткань прямо в искаженное яростью лицо за забралом. Сталь прорезала ткань, но долю секунды выиграть удалось.

Эрвин не побежал в сторону. Он бросился вниз, под удар, в ноги великану.

– Уловки! – сплюнул рыцарь и попытался пинком откинуть авантюриста, но не смог. – Грязные уловки крысы!

Яростный рев был ему ответом. Ухватившись за стальные ноги, Эрвин повалил ублюдка, надел сверху и выбил меч из рук.

– Ты даже не представляешь, кого спас. Она... – упрямец попытался ударить щитом, но колено плотно прижало кусок древесины к телу. – Она...

Но не успели слова вырваться из его рта, как кинжал вонзился в прорезь шлема. Послышался нечеловеческий вопль.

– Всего лишь девочка, – прошептал авантюрист, вгоняя кинжал дальше в череп.

Тело под ним дернулось в последний раз и затихло, став лишь тяжёлым, неподвижным грузом. Эрвин отшатнулся, опершись на меч, вонзенный в землю. Голова гудела, в висках стучала тупая, нарастающая боль.

– Да отцепись ты!

Клубы пыли поодаль начали оседать. Бандит по имени Ларс смог перехватить дубинку и ударить Грима несколько раз по здоровой морде. Бедный пес заскулил, но продолжал рвать добычу.

Эрвин, стиснув зубы, оттолкнулся от меча и зашагал, почти падая, к этой свалке. Каждый шаг отдавался болью в груди, где щит оставил свой синяк.

– Я не сдохну здесь! – завопил Ларс, снова опуская дубинку.

Послышался приглушённый хруст и пронзительный, полный боли визг Грима. Челюсти наконец разжались. Искалеченная рука болталась, как тряпка, хлеща кровью, но бандит, обезумев от страха, уже смотрел не на неё, а на приближающуюся к нему смерть в облике шатающегося авантюриста.

Не прошло и мгновения, как он повернулся и побежал прочь в гущу леса с обгаженными от страха портками. Грим зарычал, готовый броситься следом.

– К ноге, – хрипло скомандовал Эрвин.

Его рука метнулась к последнему кинжалу на груди. Белый развод сверкнул в темноте и вонзился в бедро беглеца с глухим шлепком. Тот вскрикнул, споткнулся, но, хромая, исчез в черной пасти леса.

– Черт с ним.

Опустившись на колено, он шарил руками по подсумкам. Пальцы нащупали осколки одной склянки, другую – пустую петлю. Но две всё же были на месте. Он вытащил одну, дрожащими руками выбил пробку и залпом осушил. Малиновая жидкость обожгла горло, а затем разлилась по телу теплой, живительной волной. Боль в груди отступила, превратившись в глухую ноющую тяжесть, а мир перестал плыть перед глазами.

Ноги все еще дрожали, когда он подошел к первому бандиту, тому, что лежал с кинжалом в глазу. Ключ, как он и надеялся, торчал из-за пояса у мертвеца. Эрвин вытащил его и заодно стянул кошель с парой потемневших серебряных. Больше ничего.

На дрожащих ногах авантюрист приблизился к клетке. Грим, прихрамывая, уже давно сидел рядом, почти вдумчиво глядя внутрь.

«Это не место для девочки», – думал Эрвин, отпирая проржавевший замок. Клетка с жалобным скрипом открылась, и пес нетерпеливо забежал внутрь, лая во всю глотку.

Внутри, в углу, сидел сверток, туго стянутый веревками и завёрнутый в грубую, черную рогожу. Ткань впитала воду и грязь со дна клетки, от нее тянуло сыростью, мочой и холодным железом. Из свертка не доносилось ни плача, ни стонов – лишь частый, мелкий стук зубов да редкие, давящиеся всхлипы.

Эрвин разрезал веревки, и из черноты дырявой ткани показалось личико заплаканной девочки.

– Держи, если ранена, это ослабит боль, – авантюрист тянул последнюю колбу с зельем.

Элизабет замерла. Пухлые губки стали темно-синими, а малиновая кожа нечеловечески побледнела. На лице растекались слезы и сопли, а в глазах застыло облегчение. Девочка не взяла зелье. Всклипывая, она бросилась на авантюриста, крепко вжавшись ему в живот.

– С-спасибо... – ее голос был едва слышен, сдавлен рыданиями. – С-спасибо, Эрвин.

Авантюрист замер, не зная, куда деть руки. Впервые она показалась ему не дочерью аристократа, а просто напуганным ребенком. Мелкая дрожь девочки передавалась через ткань.

– Все позади.

Грим, забыв про собственную хромоту, протиснулся между ними и принялся старательно облизывать Элизабет в щеку, в нос, в ухо. И так они и остались стоять у дороги под холодной луной – окровавленный авантюрист, плачущая девочка и хромающий пес, – трое существ, которых судьба, казалось, навсегда сплела в один узел этой кровавой ночью.

...

Тени уже начали удлиняться, а солнце медленно клонилось к западу, когда Эрвин остановил Говена на Стоунхилловском холме. Длинное путешествие вымотало искателя приключений.

Чуть ниже, на пожелтевшем поле, виднелась армада шатров и самодельных лавочек. На каждом висели вывески с большими яркими буквами, выкрашенными в причудливые цвета, у некоторых палаток кричали зазывалы, предлагая посмотреть представления или поучаствовать в конкурсах. Малиново-красные, зеленые, желтые и бесчисленные оттенки синего пестрели по всей низине вплоть до толстых стен старинного города.

Толпы людей заполняли собой свободные пространства. Фестиваль длится целую неделю, и, похоже, на его третий день все вошло во вкус. Виднелись рыцари, маги, дворяне и, самое главное, авантюристы, что прибыли со всего королевства.

Старик работал со многими из них. Он пробыл авантюристом двадцать пять долгих лет и, хоть звезд с неба не хватал, но сумел исколесить всю страну, побывать во многих заварушках и помочь многим людям. Каждую ночь отец рассказывал Эрвину о своих похождениях, в том числе и об авантюристах, с которыми ему довелось работать.

Странное ощущение загорелось в сердце парня. Увидев своих коллег в таком количестве, он будто вернулся в родную гавань спустя многие годы одиночества.

– Чего застыл? – Элизабет ловко подскочила верхом на Путеводной. От такого грубого обращения старая кобыла недовольно мотала головой.

Всего за пару дней Элизабет из испуганного ребенка превратилась в бойкую и уверенную девчонку-путешественницу. Она быстро училась, помогала в ночных привалах, пыталась охотиться, умела считать и писать. Не сравнить с днем, когда Эрвин впервые встретил ее. Бледная

кожа стала розовой, пухлые губы обрели приятный малиновый цвет, а рана на руке... полностью исчезла, не оставив даже шрама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.